

После того как им довелось пережить столь будоражающие кровь события, они вдвоем молча направились к реке.

По обеим сторонам канала росли высокие плакучие ивы, чьи опущенные ветви, словно занавесь, отгораживали их от шумной улицы.

Сяо Юй, не зная, чем себя занять, достал бамбуковую флейту и попробовал сыграть мелодию.

Он не питал особой любви к игре на флейте, но это занятие очень нравилось Благородной супруге Лянь. После того как его матушка скончалась из-за него, игра на флейте стала тем единственным способом, что позволял ему в лабиринте запутанных воспоминаний хоть немного удержать её образ.

Правда, в последнее время и этот способ помогал всё меньше.

Тех, кто ушёл, не вернуть, а жизненный путь каждого человека неизбежно ведет вперед.

Так было с матушкой, так было и с Лю Ци.

— О чем задумался Сяо Ци? — Сяо Юй случайно поднял взгляд и увидел, что Ци Цзюнь замер, словно изваяние, и неотрывно смотрит на него. Он нарочно прервал игру и задал вопрос.

Этот оклик вывел Ци Цзюня из оцепенения. Застигнутый врасплох, он не нашелся, что ответить, и выпалил первое, что пришло в голову:

— Смотрю... смотрю на рыбу.

Сяо Юй оперся на перила, вглядываясь в реку. Канал в Шанцзине соединялся с одним из притоков реки Цишуй. Хотя лед уже тронулся, в воде все еще плавали осколки льдин.

— Лжец. В реке еще полно тонкого льда, откуда взяться глупой рыбе, чтобы ты на нее смотрел?

Он убрал флейту и, подперев подбородок складным веером, принялся гадать, что ответит Ци Цзюнь.

Ци Цзюнь, пойманный с поличным, не мог же признаться, что только что бездумно пялился на Императора, поэтому он, притворно вздохнув, указал на канал и начал оправдываться:

— Только что она была там, наверняка испугалась, когда Ваше Величество заговорили.

Сяо Юй беспомощно покачал головой:

— Сяо Ци, как ты думаешь, какая из этих мелодий лучше: та, что была сейчас, или та, что я играл в Цуймэнсюане?

— Мне больше по душе та, что Вы сыграли только что, — серьезно ответил Ци Цзюнь. — В Цуймэнсюане у Вас на сердце было тяжело, а сейчас Вы повеселели, вот и музыка стала приятнее.

Сяо Юй видел, что Ци Цзюнь говорит искренне, но слова его показались ему странными, и он спросил:

— Сяо Ци, а знаешь ли ты, что за пять звуков считаются в музыке?

— Ну, гун, юй, цзяо... остальных не знаю, — честно ответил Ци Цзюнь.

Оказалось, что его спутник вовсе не разбирается в музыкальной теории. Впрочем, неудивительно — Ци Цзюнь ведь военачальник, а не музыкант.

Сяо Юй горько усмехнулся:

— Говорят, можно играть на лютне перед быком, а я сегодня заставил тебя слушать мою флейту. Ладно, ладно. И то верно, спасибо тебе, Сяо Ци, что терпеливо слушал так долго.

— Гадаю на судьбу по жребью, десять монет за раз! Если предсказание не сбудется — денег не возьму!

Не успел Ци Цзюнь ничего ответить, как они услышали приближающийся голос. Обернувшись, они увидели странствующего даоса, который шел прямо к ним.

На одежде даоса виднелось множество заплаток, на обуви — дыры, но сам он ступал легко и безмятежно, с совершенно спокойным видом.

— Ваше Величество, Вы верите в предсказания? — машинально спросил Ци Цзюнь.

— Раньше не особо верил, а теперь — немного верю. Когда я был ребенком, гадатель сказал, что у меня судьба Циша — звезда жестокости и несчастий. Похоже, сейчас это начинает сбываться.

Погода не была жаркой, но Сяо Юй раскрыл веер и слегка обмахнулся им.

Чернила гор и морей на белом шелке веера едва заметно заколебались, унося его мысли в далекое прошлое.

В те годы Император Цинли души не чаял в Вань Цзеюй, из-за чего обделял вниманием других наложниц. Вань Цзеюй была подобна своему титулу — мягкая и кроткая, вызывающая невольную симпатию.

Позже она тяжело заболела. Сюй Дэцай, желая подавить влияние рода Су, к которому принадлежала его матушка, привел во дворец гадалея. Тот заявил, будто судьба одного из принцев входит в противоречие с судьбой наложницы, и чтобы спасти её, нужно принести жертву. Этим человеком, чья судьба якобы губила её, был Сяо Юй.

— Прошу прощения за свои слова, — виновато пробормотал Ци Цзюнь.

Маленький Император всё это время хмурился, храня молчание, отчего Ци Цзюнь начал волноваться.

— Сяо Ци, как ты думаешь, почему мне так необходимо было уничтожить собственного дядю?

— Я не смею судить об этом, Ваше Величество.

— Ох. Сяо Ци, порой ты бываешь чрезмерно осторожен. Впрочем, твой серьезный вид выглядит довольно мило.

Сяо Юй тихо усмехнулся, сложил веер и неторопливо продолжил:

— Регент удерживал власть в своих руках целых четыре года. Если бы он устранил беспорядки, оставшиеся после евнухов, и позволил Великой Шан процветать, как во времена моих предков, я бы без всяких сомнений отрекся от престола и уступил ему место, даже если бы он не окружил меня своими войсками.

Но за эти четыре года он разграбил государственную казну, чтобы возводить храмы в честь самого себя, преследовал верных чиновников, которые были с ним не согласны, и захватил бесчисленные поля простых людей, вынуждая их скитаться в нищете и разлучаться с семьями ради строительства его личных увеселительных дворцов. Я сидел на троне и смотрел, как мои земли и мой народ страдают от него, словно трава под ногами, и не мог сделать ничего, кроме как кивать и хвалить его. Скажи, как я мог не ненавидеть его?

Ци Цзюнь молча слушал. Большая часть этих событий произошла за те три года, что он провел в походе.

Ляобэйская железная конница была дисциплинирована, но даже им, общаясь с местными властями, приходилось сталкиваться с запахом коррупции.

Западное солнце наполовину скрылось за горизонтом, золотистые облака плыли по алому небосводу.

Отблески сумерек заиграли на воде канала, и в глазах Сяо Юя, смотревшего на реку, отразился закатный свет.

— Ваше Величество, приспешники регента истреблены до последнего. Теперь Великая Шан может насладиться вечным миром, — сказал Ци Цзюнь.

— Вечный мир — это лишь доброе пожелание, которое произносят во время жертвоприношений, — легко вздохнул Сяо Юй.

— Не говорите так, Ваше Величество. Пока я жив, я всегда буду рядом, чтобы защищать Вас и видеть, как Вы постройте процветающую Великую Шан, подобную эпохе Кайюань, — выпалил Ци Цзюнь, но тут же пожалел о своих словах — не перешел ли он черту?

Сяо Юй не придавал этому значения, наоборот — улыбнулся.

— Словам нет веры. Как же мне поверить тебе?.. Сяо Ци, протяни руку.

Ци Цзюнь, хоть и удивился, послушался.

Их взгляды встретились, и маленький Император крепко сжал ладонь Ци Цзюня. Пальцы Сяо Юя были холодными, как иней, но в самой ладони чувствовалось тепло.

Никто не проронил ни слова, но это молчание стоило тысячи признаний.

— Сцепляться мизинцами — детская забава. Раз ты позволил мне взять тебя за руку, значит, мы дали друг другу обет, — спустя долгое время Сяо Юй отпустил руку Ци Цзюня.

Ци Цзюнь смутился от его прикосновения и уже хотел отвести взгляд, но заметил, что лавочник, торгующий игрой в метание мячей, как раз закончил подготовку и открылся.

— Ваше Величество, подождите меня здесь, — внезапно воодушевившись, Ци Цзюнь побежал к лавке.

Метание мячей было довольно популярной игрой в Шанцзине: на горизонтально закрепленном шесте висели тканевые мешочки с цветами, закрепленные слабо. Хозяин давал гостю камешек, который нужно было бросить с расстояния.

Если попал и сбил мешочек — выигрыш твой, содержимое можно было забирать даром. Если

не попал — приходилось платить хозяину двадцать монет.

Ци Цзюнь взял камешек, подбросил его и уверенно поймал — это была пристрелка. Затем, бросив камешек обратным хватом, он одним движением сбил мешочек с шеста.

— Почтенный гость поистине мастер! Скорее открывайте, что там внутри! — хозяин, наблюдавший за ловкими движениями Ци Цзюня, не удержался от аплодисментов.

В мешочке оказался декоративный веерный талисман в виде белого кролика, сделанный из ткани — грубоватый, но очень милый.

— У тебя отличная сноровка, Сяо Ци, — восхитился подошедший Сяо Юй.

— Это лучший приз в столице. Если Ваше Величество будет носить его с собой, то перестанет думать о всякой ерунде, которую наговорил тот бродячий гадатель, — Ци Цзюнь положил талисман на ладонь Сяо Юю.

В город они вернулись, когда Шанцзин уже сиял праздничными огнями.

Ци Цзюнь тихо постучал в дверное кольцо. Когда ворота открылись, первым, кого они увидели, была не прислуга, а Ая в скромном платье.

— Я так и знала, что это ты! Брат, почему ты вернулся только сейчас? Мне одной дома так скучно, — проворчала Ци Я.

Но, заметив Сяо Юя рядом с братом, она удивленно спросила:

— М? Почему это та старшая сестрица, о которой говорила матушка Ли, превратилась в мужчину?

Матушка Ли была известной в округе свахой, которую госпожа пригласила подыскать пару для Ци Цзюня, но из-за смерти старого маркиза дело так и не уладилось.

— Не говори ерунды, — строго прикрикнул на неё Ци Цзюнь.

— А, я поняла! Ты снова отвертелся от матушки Ли, — с видом знатока заключила Ци Я.

— Ая, матушка всё еще в кабинете? — спросил Ци Цзюнь, ведя маленького Императора по вымощенной галькой дорожке, ведущей во внутренний двор.

— Да, она целый день переписывает сутры, а меня заставила вышивать. Но раз ты привел

друга, мне больше не будет скучно.

Старый маркиз скончался больше месяца назад, но семилетняя Ци Я еще не могла осознать, что такое смерть. В её глазах уход отца мало чем отличался от отъезда брата в поход — просто он уехал чуть дальше и на чуть более долгий срок.

И правда, только не ведая тяжести горя, можно жить так легко и беззаботно.

Ци Цзюнь, с таким трудом выбравшийся из оков скорби, мысленно горько усмехнулся.

— Привет, большой брат! — Ци Я обошла брата и потянула Сяо Юя за рукав.

— Поиграй со мной, ладно? Я только что закончила вышивать ширму, помоги посмотреть, красиво ли вышло.

— Ая... — Ци Цзюнь хотел было вмешаться.

Но Сяо Юй слегка ткнул его веером, давая знак молчать.

— Конечно, без проблем, — мягко ответил Сяо Юй, погладив Ци Я по голове.

<http://bllate.org/book/21170/2144731>